

КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ КОМПЛЕКСА ВЕЛИКОДЕРЖАВНОСТИ

РАССТАВИВШИЕСЯ ПАРУ ВЕКОВ НАЗАД СО СТАТУСОМ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ, ШВЕЦИЯ ВСЕ ЖЕ НАШЛА ДОСТОЙНОЕ МЕСТО В МИРЕ. ОНА СТАЛА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ МИРОТВОРЦЕМ. С ПРОСЬБОЙ РАССУДИТЬ СПОРЯЩИХ К ШВЕЦИИ ОБРАЩАЮТСЯ, СЧИТАЯ ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕМ ИДЕАЛОВ СПРАВЕДЛИВОСТИ. КАК ОНА СПРАВЛЯЕТСЯ С ЭТОЙ РОЛЬЮ И НАСКОЛЬКО ПРИМЕНИМ ЕЕ ОПЫТ ОБРЕТЕНИЯ СЕБЯ ДЛЯ РОССИИ, МЫ ПОПРОСИЛИ ПОРАЗМЫСЛЯТЬ СКАНДИНАВИСТА, СТАВШЕГО ПОЛИТОЛОГОМ, И ДИПЛОМАТА, СТАВШЕГО ПОЛИТИКОМ

«МОРАЛЬ ВАЖНЕЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СООБРАЖЕНИЙ»



ФЕДОР ЛУКЬЯНОВ,
главный редактор
журнала «Россия
в глобальной политике»

Анализируя зависимость политической мощи великих держав от уровня их социально-экономического развития, американский исследователь Фарид Закариа ссылался в одной из своих книг на опыт Швеции XVII–XVIII столетий. Глубокие преобразования в общественном устройстве и экономике, осуществленные в первые десятилетия XVII века, превратили Стокгольм в одну из самых влиятельных столиц Европы. Но лишь только сни-

зились внутренняя динамика, корона распрощалась с великодержавным статусом, символом чего стал разгром под Полтавой. Еще более интересным примером того, как социально-экономическое положение конвертируется в позиции на мировой арене, служит новейшая история Швеции. В начале XX века Стокгольм утратил последнюю «колонию»: норвежцы проголосовали за расторжение унии с соседним государством, продержавшейся 90 лет. Шведские державники назвали случившееся национальной катастрофой, сравнимой с потерей Финляндии столетием раньше.

«ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ШВЕЦИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИ МОТИВИРОВАННА»



МИХАИЛ ДЕМУРИН,
Чрезвычайный и полномочный посланник
второго класса, руководитель международного управления исполнительного комитета партии «Родина»

Действия Стокгольма в области внешней политики выстроены под идеологический посыл: мы успешное демократическое, социальное, рыночное западноевропейское государство и должны нести нашу модель ближним и дальним странам. Никто не спорит, Швеция — успешное государство. Многим моим соотечественникам скандинавская социальная модель симпатична. Я был бы, кстати, не против, если бы и в нашей стране при определении внешнеполитической стратегии идеологическая мотивация, как минимум, присутствовала и мы не ограничивались бы констатацией того, что наша политика «прагматична», или, другими словами, беспринципна.

Однако не все хорошо, что слышим. Швеция, к сожалению, подвержена одной серьезной распространенной сегодня в ЕС мании — уверенности в своей и в целом западноевропейской монополии на истину о «правильном будущем» всей планеты. И это делает шведскую политику политической и морально уязвимой. За примерами далеко ходить не надо. Ключевую роль в появлении в Латвии и Эстонии злополучной концепции «негражданства», то есть лишения большинства нелатышей и незстонцев права на автоматическое получение гражданства, сыграл известный шведский политический деятель Карл Бильдт. Трудно сказать, чего тут было больше — желания максимально затруднить восстановление влияния России на западной площадке постсоветского пространства или действительно стремления поддер-

Как пережить унижение, подсказал профессор Уппсальского университета Рудольф Челлен. Он обогатил научный лексикон популярным в России термином «геополитика». Увязывая воедино такие понятия, как «государство», «общество» и «народ», Челлен выдвигал идею «государства как народного дома». По его замыслу, утратив способность проецировать силу вовне, Швеция должна была превратиться в крепость, которая изолировала бы нацию от внешнего влияния и обеспечивала процветание гражданам.

Рудольф Челлен был правым националистом и сторонником изоляционизма. Именно его идея легла в основу знаменитого «шведского социализма». Идеологи социал-демократии взяли на вооружение понятие «государство как народный дом», но сместили акцент. Энергию, некогда нацеленную на экспансию, перенаправили на решение внутренних задач. Ключ к успеху лежал, как и полагал Челлен, во взаимной ответственности общества и государства. Но главным стало не противопоставление «шведского дома» всем прочим «домам», о чем, по сути, рассуждал геополитик, а достижение внутреннего консенсуса для развития страны, обеспечения равноправия и благосостояния граждан.

Результаты поворота «лицом к людям» известны. В 1930–1980-х годах в Швеции была построена, наверное, самая привлекательная социально-экономическая модель в мире. Из поставщика иммигрантов страна превратилась в крупнейший центр притяжения.

Но факт остается фактом, Швеция стимулировала формирование едва ли не самых националистических режимов на европейском континенте.

Дело дошло до того, что министр иностранных дел Швеции Лайла Фрейвальдс после своего первого визита в Ригу заявила, что является «еще одним» членом латвийского кабинета министров. Правда, это было уже из категории «слишком», и дома ее подвергли критике за несдержанность. Но реалистичные оценки правового положения русскоязычных жителей Латвии и Эстонии прорвались в «свободную» шведскую прессу только дважды — в снятом пару лет назад фильме шведских тележурналистов и в публичных выступлениях бывшего посла Швеции в России Свена Хирдмана. Видимо, посол — высочайшего класса профессионал — понимал, какой ущерб необъективность Стокгольма наносит международному имиджу страны и политическому климату российско-шведских отношений.

Думаю, понимал посол и другое: выпестованные Стокгольмом «молодые прибалтийские демократии» перешли под неудобное для старой Европы влияние США. Да и в экономике осуществляют не социальную, а ультралиберальную модель, чреватую для ЕС серьезными последствиями: сокращение социальных программ стимулирует наименее благополучные слои этих государств перебираться в развитые страны ЕС, а облегченный налоговый режим все более оттягивает на себя капитал вместе с налогами.

Говоря об отсутствии в шведской прессе критических сюжетов относительно политики Стокгольма в Прибалтике, я не имею в виду прямую политическую цензуру. Дело в том, что в Швеции существует эффективная система выработки консенсуса между властью и обществом по основным внешнеполитическим вопросам. Название ключевой в этой системе организации говорит само за себя — «Народ и обобщество». Когда интересы страны на международной арене сформулированы, они должны отстаиваться, нравится это кому-то или нет! Может быть, есть чему поучиться?

Следствием внутриполитических достижений шведской модели оказалось обретение Стокгольмом совершенно новой, очень заметной роли на международной арене. Именно Швеция стала — еще в первые послевоенные годы — основоположником «мягкой силы», хотя сам термин придумали в Соединенных Штатах только в 1990-е. Имидж Швеции как страны, в которой воплощены в жизнь идеалы справедливости, а политика руководствуется исключительно моральными соображениями (потому что корыстных геополитических интересов у нее просто нет), оказался очень действенным и устойчивым. Поэтому шведам и доверяют.

Очевидно, именно поэтому так велико количество шведско-подданных, участвовавших после второй мировой войны в разрешении конфликтов по всей планете. Лидерами мирового масштаба были защитник малых наций генсек ООН Даг Хаммаршельд и премьер Улоф Пальме, идеолог глобального равноправия, который страстно боролся против диктата великих держав, вьетнамской войны и южноафриканского режима апартеида. Рауль Валленберг, спасавший венгерских евреев, ближневосточный посредник принц Фольке Бернадотт, убитый еврейскими экстремистами в 1948 году, архитектор Дейтонского мира Карл Бильдт, оппонент войны США в Ираке Ханс Бликс, министр иностранных дел Анна Линд, которая патронировала урегулирование ситуации в Македонии... Список далеко не исчерпывается этими именами.

Правда, все это не без издержек. Та же Лайла Фрейвальдс, например, еще в бытность министром юстиции целенаправленно препятствовала исследованиям шведских историков по теме сотрудничества Швеции с Третьим рейхом в годы второй мировой войны. А между тем понимание необходимости обсуждения этой темы в шведском обществе возрастает. Нельзя же в самом деле остановиться на констатации, что это тесное сотрудничество было обусловлено особым геополитическим положением страны. Тем более если от других стран ты требуешь не просто дискуссий, а общегосударственного покаяния за их действия в 1939–1940 годах, тоже продиктованные реальной геополитикой.

В шведско-российских связях весомо присутствует исторический аспект. Россия всегда воспринималась и будет восприниматься не только как конкурент за влияние в Балтийском регионе, но и как источник угрозы. И надо сказать, исторические опасения Швеции понятны: в конце концов, войны Швеции с Россией, которые для России не более чем одни из многих, для Швеции — главные войны в их истории. Но когда сегодня о российских танкерах на Балтике говорят с той же долей опасения, как о «русских подводных лодках» в советское время, — это слишком. Мы за экологическую безопасность Балтийского моря, но так же, как и шведы, знаем, что более 70% его загрязнения идет за счет стоков прибрежных стран, и здесь Россия далеко не на первом месте.

Как одна из влиятельных стран ЕС, Швеция, казалось бы, должна быть заинтересована в развитии конструктивных отношений с Россией. Но объективному наблюдателю сегодня очевидно: поддержка тезиса о максимальном учете в этой политике позиций новых членов ЕС, прежде всего Вильнюса, Риги и Таллина, конструктивности в эту политику не добавит. Между тем, если думать о роли и месте ЕС и России в мире в XXI веке, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: и их, и наш вес будут зависеть от степени конструктивности взаимодействия и его обращенности в будущее, а не на сведения исторических счетов.

В деятельности каждого из них прослеживается общий принцип, отражающий идеологию шведской модели, — поиск неконфронтационных подходов и защита интересов тех, кого считают слабыми и обиженными. Отсюда и твердая пробалтийская позиция: шведы по-прежнему полагают, что в Латвии и Эстонии надо гарантировать права меньшинств, а прежде всего коренного населения, пострадавшего за советские годы и нуждающегося в особых условиях для полноценной реабилитации.

Конечно, пятна есть и на белых ризах. Братия-норвежцы нет-нет да и вспомнят о том, как нейтральный Стокгольм пропускал немецкие эшелоны в оккупированную Норвегию. В Балтии — о выдаче советскому правительству беженцев в 1946 году. В 1990-е годы кипели дебаты о том, как Швеция во время холодной войны в нарушение нейтрального статуса сотрудничала с американской разведкой. Да и посреднические усилия далеко не всегда давали желаемый результат. Ничто, однако, не поколебало имидж Швеции как ответственного и надежного миротворца, который руководствуется принципами, а не конъюнктурой.

Пример Швеции показывает, что, во-первых, ущемленное национальное сознание можно перенастроить с внешних на преимущественно внутренние свершения и многого добиться на этом пути. И во-вторых, нет более действенного способа убедить в чем-то другого, чем продемонстрировать собственную стойкую приверженность принципам. ■

В эту же парадигму действий укладывается и стремление Стокгольма катализировать скорейший разворот Украины от России к ЕС, и нацеленность на изменение государственного устройства Белоруссии. В последнем случае дело доходит до поддержки организаций, являющихся инструментами прямого вмешательства в чужие внутренние дела. Те, кто давно интересуется происходящим в Швеции, уверен, хорошо помнят, какую нервозность у Стокгольма в прошлом вызывали внешние связи компартии Швеции. Что позволено Юпитеру, не позволено быку? Еще менее оправданной выглядит поддержка влиятельными кругами Швеции деятельности антироссийских сил в Чечне. Именно в демократической Швеции после Литвы и Финляндии нашло прибежище одноязычное интернет-издание «Кавказ-центр».

Одним словом, общий контекст российско-шведских отношений сегодня непростой. И все же объективные интересы наших стран и народов берут свое. Несколько лет тому назад, когда в Швеции проходил референдум о переходе на евро, один из тезисов, выдвигавшихся премьер-министром Перссоном в пользу усиления евроинтеграции, был такой: голосуя против евро, ты голосуешь за то, чтобы остаться один на один с Россией. Шведы проголосовали против евро. Было ли это голосованием за дружбу с Россией, не уверен, но то, что шведскому бизнесу нужен совсем другой климат политических отношений с нашей страной, сомнений не вызывает. В конце концов, люди, мыслящие категориями конкуренции, не могут не учитывать, насколько интенсивно сегодня развиваются отношения России с соседними Швецией, Норвегией и Финляндией.

А что до желания еще и нести демократические ценности, то поучительна история шведско-китайских связей: пока товарооборот и инвестиции измерялись шестизначными цифрами, Швеция весьма активно поднимала вопросы демократических реформ и положения с правами человека в Поднебесной — когда эти цифры стали приближаться к восьмизначным, интерес быстро пошел на убыль. ■